

"...Ну, вот и все", - вздохнул я, закрывая писание.

Рун Орисона.

Завтра он примет меня и многих других. И там мы вместе обретем одил, силу для борьбы с нафилимами - теми, кто питает злые намерения к нашему роду. Те, кто совершает злодеяния против наших кротких и беззащитных. Они, которые с самого рождения наделены мощным одилом.

Говорят, что в давно минувшие века люди были лишены одила и не могли ничего сделать против нафилимов, кроме как быть побежденными ими. Однако подвиги святого Раклиаммелеха, совершенные шестьсот лет назад, привели к тому, что одил наконец-то оказался в руках людей. С его помощью они противостояли нафилимам - усилия, которые продолжались на протяжении веков.

Здесь, в королевском королевстве Лондосиус, любой, кого принимают в ряды оризонов, также может служить в рыцарском ордене. Дворяне особенно заинтересованы в этом, и немалое число из них призывается в Орден, как только появляется возможность.

Само королевство основано на общинах сопротивления против нафилимов. Поэтому дворяне считают для себя честью присоединиться к борьбе. Мы с Эмилией не были исключением - мы оба планировали записаться в армию вместе.

Вряд ли сыновей и дочерей знати отправляют на поля войны, которые считаются слишком опасными. Прослужить Ордену несколько лет, пройти обряд посвящения, получить определенный боевой опыт, а затем вернуться домой, в свои владения - такова карьера, уготованная нам, молодым дворянам. Для людей нашего положения нет особых причин вступить в Орден.

Но я думал иначе.

Сколько я себя помню, легенды о рыцарской доблести были и остаются для меня весьма увлекательными, настолько, что я стал мечтать о том, чтобы самому облачиться в рыцарскую мантию. Именно по этой причине я оттачивал свое мастерство владения мечом более упорно, чем кто-либо другой, кого я знал.

Когда-нибудь настанет время, когда бразды правления этим маленьким уголком Лондосии перейдут в мои руки, хотя, к счастью, мой отец был еще бодр и здоров. Рыцарство - мои амбиции, и моя цель - оставаться рыцарем так долго, как только смогу.

И, конечно, есть Эмилия. Я не смею оставлять ее без внимания. Очевидно, есть дворяне, которые заключили брак в разгар военной службы. Прецедент утешительный, ибо я намерен сделать ей предложение как-нибудь до того, как стану лордом этого баронства. А исполнив свои мечты и став мужчиной, которым даже я смогу гордиться, я отправлюсь на родину.

Таково мое желание. Такова моя надежда.

□

"Сегодня тот самый день, Рольф! Давай выложимся по полной!" подбадривала Эмилия, ее руки были решительно сжаты. Мы собрались перед поместьем Бакманнов, пока готовилась наша карета.

"Боюсь, Эмили, что наше "по полной" мало что значит", - заметил я. "Преклоним колени перед преподобным, закроем глаза, и все будет сделано".

И это было справедливо, поскольку тот, кто совершал ритуал посвящения, был священником, в конце концов, и именно на его плечи ложилась вся работа.

"Но разве не было бы хорошо сообщить Йоне о нашем рвении? Наверняка она ответит добром!" - возразила моя невеста.

"Я считаю, что Эмилия права, брат. Я сама приду посмотреть на твоё героическое выступление, так что молись изо всех сил, чтобы заслужить её милость", - сказала Фелиция, твердо решив сопровождать нас в церковь. Но при таком тяжелом слове, как "героический", я боялся, что мой собственный разум был не слишком тверд.

"Выступление, говорите? Ну... если ты настаиваешь, Фелиция", - смирился я. "Для тебя я покажу свой лучший образ".

"Надеюсь, достойный оваций!" - улыбнулась Фелиция. "После закрытия занавеса пройдет много времени, прежде чем мы встретимся в следующий раз. Мне бы хотелось, чтобы у меня было ещё одно воспоминание о тебе, брат...".

Мы с Эмилией договорились о поступлении в 5-й рыцарский орден вскоре после закрытия Рун Орисона. Его операционная база находилась в Нордене, соседней с королевской столицей провинции, и наше отправление в поход было назначено на следующий день после самой церемонии.

Путешествие между баронством Бакманн и местом назначения в Нордене само по себе не было особенно долгим, но и не было таким, которое можно было бы проделать на досуге.

"Хотя ты ведь и сама пойдешь на службу, не так ли, Фелиция? В следующем году, то есть", - спросил я. "Мы сохраним для вас место".

"Верно, Фелиция! Не успеешь оглянуться, как пройдет год!"

"Надеюсь, что так и будет. Я буду бегать за вами по пятам, вы двое!"

Мы обменялись теплыми улыбками.

"А как насчет тебя, Рольф?" спросила Эмилия, повернувшись ко мне. "Рыцарство наконец-то на горизонте, не так ли?"

"Тот самый горизонт, на который мы оба смотрим, не так ли?"

"Верно, но вряд ли это я мечтаю об этом вот уже десять лет? А теперь ожидание почти закончилось, Рольф!"

"Я разделяю мысли Эмили, брат. Для такого знаменательного события ты выглядишь как дерево, не потревоженное веселыми ветрами".

То, что только моя мечта вызвала искру во взглядах этих девушек, было очень трогательно.

"Боюсь, что сначала пройдет год брака; мы будем как саженцы, которые будут бороться с ветрами другого темперамента. Но как только мы укоренимся, нам придется работать, пока мы не заработаем свои доходы", - объяснил я. "Я не сомневаюсь, что это уже на горизонте, но

расстояние простирается гораздо дальше, чем нам хотелось бы".

"О брат, ты должен получить свою награду сразу после начала второго года. Тогда ты будешь гордым рыцарем к тому времени, когда я сама стану рыцарем!".

"Фелиция что-то задумала! Мы должны отпраздновать обе годовщины сразу! Вместе, конечно!"

"Итак, вы двое. Разве я не говорил, что это будет не так просто...?"

В моем сердце, признаюсь, висела тревожная тень, но благодаря девочкам я почувствовал, как туман рассеивается, когда карета приблизилась, готовая унести нас вдаль.

□

Торжественность окутывала церковь более ощутимо, чем обычно.

В ней собрались дети со всех уголков баронства Бакманн, каждый из которых в этом году отметил свой пятнадцатый день рождения. Общее напряжение отражалось на лицах каждого из них, когда они выстраивались вдоль прохода.

Дальше возвышалась статуя нашей Дейвы, Йоны. Обрамленная сзади витражным стеклом, она окидывала всех нас серьезным взглядом. У ее основания стоял священник, а по бокам от него - пара личных рыцарей из 5-го ордена, того самого, в который нам предстояло вступить. В их обязанности входило служить телохранителями священника и осматривать одил потенциальных новобранцев.

"Приветствую вас всех и поздравляю", - приветствовал священник. "Пятнадцать лет Йона хранила вас в своих надежных объятиях. Эти пятнадцать лет застали вас здесь, готовыми к обрядам, готовыми к новому пути, который вам предстоит пройти. Слава Йоне".

Далее последовал рассказ о святом Раклиаммелехе. Как он страдал от злобы нафилимов, осознал жестокость мира и общался с Йоной - все это было страстно рассказано нам, собравшимся здесь.

"С этой целью, только для того, что хорошо и справедливо, вы должны использовать дар одила - тот самый, который будет дарован каждому из вас в этот день".

Все присутствующие с большим вниманием следили за проповедью священника. Оглянувшись, я обнаружил, что профиль Эмилии был не менее торжественным.

"Отныне мы начнем церемонию Оризона. Следите за порядком".

Наши нервы коллективно расшатались еще больше.

Впереди юношу позвали вперед. Он направился к трансепту*, шатаясь от волнения. Там священник вручил ему атласную ткань**, в которой лежал прозрачный кристалл из кварца. Взяв его, подросток опустился на колени и закрыл глаза. Тут жрец поднял к нему ладонь и звучным голосом начал произносить молитву.

"О Йона, Дейва Супрема, Эгида Человека из Эмпирея на высоте. Здесь мы умоляем Тебя, Божественнейший, о милости Твоей, дабы мы могли погасить приливы и отливы нечестивых и ответить на мольбы сыновей и дочерей человеческих, попавших в беду".

Когда псалом закончился, от кварца в руках мальчика вспыхнуло глубокое голубое сияние. В

свою очередь, он медленно открыл глаза и долго вглядывался в кристаллический свет. И как только он померк, священник снова заговорил.

"Дело сделано. Пусть благословение Йоны найдет тебя, сын мой".

Когда юноша повернулся и пошел обратно по нефу, следующий человек поднялся на ноги. Несмотря на то, что он получил одил, он выглядел подавленным, и это было вполне справедливо.

Мера даруемого одила определяется глубиной синего цвета кварцевого сияния. Проще говоря, чем ярче свет, тем больше одила, и говорят, что свет небесно-голубого оттенка - это действительно превосходный результат.

Что касается мальчика, то его свет был мрачным, как солнечные лучи, дрейфующие в океанских глубинах, а темный свет указывал на то, что одила ему дали совсем немного. Его поникшие плечи казались вполне оправданными.

Церемония оризонов продолжил свой путь без проблем, давая одил каждому из нас по очереди. Реакция была неоднозначной: одни сияли от радости за свои результаты, другие падали духом.

"Следующий: Эмилия Мернесс. , Выходите, молитесь".

"Д-да, преподобный! Сразу же!" - заикаясь, пролепетала она, а затем повернулась ко мне. "Рольф! Я пошла!"

"Сначала успокой свои нервы, чтобы твои ноги тоже не запинались". - легкомысленно ответил я.

В свою очередь, Эмилия промаршировала в трансепт. Как и многие другие до нее, она тоже взяла кристалл кварца, опустилась на колени и прижала его к сердцу. Ее пальцы крепко сжимали кристалл, как будто он олицетворял собой весь Йонаизм.

Затем ладонь священника потянулась к ее лбу, в то время как Эмилия держала оба глаза закрытыми, выдавая в них легкое дрожание.

"О Йона, Деива Супрема, Эгида Человека из Эмпирея на небесах. Здесь мы умоляем Тебя, Божественнейший, о милости Твоей, дабы мы могли проклясть приливы и отливы нечестивых и ответить на мольбы сыновей и дочерей человеческих, попавших в беду".

Как по команде, кварц начал окутывать мерцание. Эмилия нервно открыла глаза, но вместо этого обнаружила, что смотреть невозможно - кварц был как само солнце, светящийся и ослепительный. Маяк чистого белого цвета, его лучи тянулись вверх, освещая своды, и спускались через неф, мерцая на наших лицах и попадая в глаза.

Священник и рыцари были ошеломлены, их лица вытянулись в шоке. Не выдержав яркого блеска, я поморщился и на мгновение отвернулся, обнаружив такое же выражение благоговения у всех зрителей в нефе и притворе. Среди них была и Фелиция, застывшая в полном изумлении.

Несколько мгновений спустя яркое сияние, похожее на рассвет, начало ослабевать. А когда оно окончательно исчезло, священнослужители обрели способность соображать и начали обсуждать происходящее.

"Преподобный... Этот свет...! Разве не был он совсем ярким только что?" - заметил один из рыцарей. "Если мне не изменяет память, такой блеск означает, что была дана полная мера одила - "Ауреола", гало-свет, так сказать?"

"Да... Похоже на то! Много лет я проводил эту торжественную церемонию, но впервые мои глаза увидели такой свет!" - воскликнул священник. "Мисс Эмилия, да? О! Благослови твою душу, дитя! Йона обнимает тебя своей глубочайшей любовью!"

По церкви пронесся возбужденный ропот.

"Эмилия Мернесс!" - обратился к ней один из рыцарей. "Скажи: ты хочешь вступить в Орден?"

"Д-да, сэр. Я хочу".

Все глаза в церкви были устремлены на Эмилию.

"И ты почувствовал, как одил проявляется в тебе, да?" - спросил другой рыцарь.

"Да, сэр, да. Из моей груди я почувствовал, как что-то... что-то с оттенком жара, проникает внутрь".

"За всю историю 5-го рыцарского ордена никто до сегодняшнего дня не произвел на свет Ауреолу! Гордись, ибо ты обладаешь величайшим одилом среди всех новобранцев до этого момента! Мы приветствуем тебя, Эмилия Мернесс! Мы приветствуем тебя с распростертыми объятиями!"

"Спасибо, добрые господа!"

После долгого возвеличивания офицеров, Эмилия вернулась ко мне, ее щеки полностью покрылись румянцем.

"Р-Рольф...!" - взволнованно произнесла она.

"Поздравляю, Эмили!"

"Спасибо! И тебе удачи, Рольф!"

Между нами царило веселье, пока снова не раздался голос священника.

"Следующий: Рольф Бакманн. На передний план, если можно".(To the fore, if you may)

*Трансепт-Поперечный неф в базиликальных и крестообразных по плану храмах, пересекающий основной неф под прямым углом.

**атлас-Плотная шёлковая или полушёлковая ткань атласного переплетения с гладкой блестящей лицевой поверхностью